

МЕТОДИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ К КУРСУ «ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ»

1. Человек в зеркале философской антропологии.

1.1. Основные воззрения на природу человека.

1.2. Немецкая философская антропология.

1.3. Психоаналитическая антропология.

2. Духовная ситуация нашего времени

Общие выводы

ВВЕДЕНИЕ. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОБЛЕМЫ.

С незапамятных времен человек был объектом философских размышлений. Об этом говорят древнейшие источники индийской и китайской философии, тем более источники философии античной Греции. Именно здесь был сформулирован широко известный призыв: “Человек, познай себя, и ты познаешь Вселенную и Богов!”.

В нем отразилась вся сложность и глубина проблемы человека. Познав себя, человек обретает свободу; перед ним открываются тайны Вселенной, и он становится вровень с Богами. Но этого еще не произошло, несмотря на то, что прошли тысячелетия истории. Человек был и остается загадкой для самого себя. Есть основания утверждать, что проблема человека, как и всякая подлинно философская проблема, представляет собой открытую и незавершенную проблему, которую нам надо только разрешать, но не надо решить окончательно. Кантовский вопрос: “Что такое человек?” остается по-прежнему актуальным.

В истории философской мысли известны различные к исследованию проблемы человека. Одни философы пытались (и пытаются сейчас) открыть некую неизменную природу человека (его сущность). Они исходят при этом из мысли, что знание таковой позволит объяснить происхождение мыслей и поступков людей и тем самым указать им “формулу счастья”. Но среди этих философов нет единства, ибо каждый из них в качестве сущности видит то, что не видит другой, и таким образом здесь царит полная разногласия. Достаточно сказать, что в Средние века сущность человека виделась в его душе, обращенной к Богу; в эпоху Нового времени Б. Паскаль определял человека как “мыслящий тростник”; философы-просветители XVIII столетия усматривали сущность человека в его разуме; Л. Фейербах указывал на религию, в основе которой видел любовь; К. Маркс определял человека как социальное существо – продукт общественного развития и т. д. Следуя этим путем, философы открывали всё новые и новые грани человеческой природы, но это не приводило к прояснению картины, а скорее усложняло ее.

Другой подход к исследованию природы человека можно условно назвать историческим. Он опирается на изучение памятников материальной и духовной культуры далекого прошлого и позволяет представить человека как исторически развивающееся существо от низших его форм к высшим, т.е. современным. Стимул такому видению человека дала теория эволюции Ч. Дарвина. среди представителей этого подхода видное место занимает К. Маркс.

Ещё один подход объясняет природу человека влиянием на него культурных факторов и называется культурологическим. Он в той или иной степени свойствен многим философам, о чем пойдет речь в нашей лекции.

ЧЕЛОВЕК В ЗЕРКАЛЕ ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

1.1 Основные воззрения на природу человека.

1. **Философы античности, особенно натурфилософы, рассматривали человека как образ космоса, как "малый мир", микрокосм. Эта точка зрения, конечно, на новой основе, воспроизводится и в наши дни. Человек ведь действительно часть космоса. Не случайно магнитные бури доставляют нам столько хлопот. Мы - люди Солнца, без Солнца нам плохо. Но оно не должно быть слишком близко к нам. Ученые предсказывают, что Солнце в своем развитии достигнет стадии "красного гиганта" и поглотит Землю. Что будет с родом человеческим?**

2. **Начиная с Сократа философы античности считали человека двойственным существом, состоящим из тела и души. Платон соотносил душу с идеей, Аристотель считал душу формой.**

3. **В средневековой философии главное размежевание проходит не столько между телом и душой человека, сколько между "плотским человеком" и "духовным человеком". Природа человека понимается как трехчастная: тело - душа - дух. Духовность человека состоит в его совести, со-вести с Богом, реализуется в высоких чувствах Веры, Надежды и Любви.**

Развитая в средневековой философии позиция находит свое продолжение в православной, католической и протестантской концепциях человека, т.е. в рамках основных вероисповеданий христианства. Как известно, господствующая христианская церковь раскололась в 1054 году на Восточную (православную) и Западную (католическую). В XVII веке из Западной церкви выделилась протестантская. В нашу задачу не входит описание тех многочисленных отличий, которые характерны для различных христианских антропологий. Отметим лишь самое главное.

Философский стиль православия восходит к Платону и Плотину, в нем много интуитивно-чувственного, подчеркивания единства истины, красоты и добра, без установления в этом триединстве, равно как в триединстве Бога-отца, Бога-сына и Бога-Святого Духа, каких-либо приоритетов.

Философский стиль католицизма восходит к Аристотелю, Августину и Фоме Аквинскому. По сравнению с православием здесь больше рационального, человек понимается как субъект воли.

Философский стиль протестантизма основывается, по преимуществу, на нововременной философии с ее выделением личностного начала. С позиций православия Бог существует, ибо он существует, позиция протестантизма другая: Бог существует потому, что без него человеку плохо. "Во что веришь, то и имеешь",- говорил основатель протестантизма М. Лютер.

4. **В Новое время специфика человека усматривается в разуме, в мышлении, рациональности. Ясное содержание души - это сознание. Такова позиция Декарта. Кант привносит в эту концепцию много нового, но и он ставит в конечном счете превыше других познавательные способности, каковых у него три.- рассудок, способность суждения, разум.**

5. **В Новое же время наряду с только что рассмотренной концепцией "хомо сапиенс" (человек разумный) господствующие высоты завоевывает концепция "хомо фабер" (человек деятельный). Главное в человеке - это реализация способности к действию. Либо просто утверждается, что суть каждого отдельного человека состоит в его действиях, либо это действие, как у Маркса, понимается в общественном смысле. Главное в обществе - труд (деятельность), а отдельный человек есть "атом" общества, в котором "пересекаются" всеобщественные отношения.**

6. **Последнее изобретение философии Нового времени - это "сверхчеловек" Ницше. Теперь разум понимается как болезнь, заблуждение, омертвляющее человека. Во главу угла ставится**

страсть, лидерство, вино, курение, буйство фантазии и импровизации, протест против послушания и вообще всякой хилости.

7. Философия XX века продолжает поиск подлинности человека. Феноменолог Гуссерль провозглашает подлинной природой человека опыт его сознания. - образование эйдосов, понимание в соответствии с ними мира предметов, жизни.

8. Герменевтики считают, что истинность человека реализуется в его существовании в мире, понимании мира, преодолении потаенности вещи, слияния ее границ с границами человека, каковыми выступают его временность, забота, страх и реализуемая в этой связи активность.

9. Философы-аналитики видят в человеке существо, активно реализующее свои языковые способности. В сфере языка человек решает что, почему и как следует делать.

10. Согласно постмодернистам, человек - существо, бунтующее в поисках возвышенного и избавления от удушающих объятий однообразного, одномерного, скучного, коллективного, тоталитарного. Человек может понять существующие общественные нормы лишь в том случае, если он постоянно от них отодвигается, иначе говоря, деконструирует их.

Философия человека и общества

Человек-существо бессознательное.

К уже рассмотренным интерпретациям природы человека добавим еще одну, которая привлекает внимание в течение всего XX.века. Речь идет о философии бессознательного, развитой австрийским врачом-психиатром и философом Зигмундом Фрейдом.

О бессознательном в человеке говорили и писали многие философы, в том числе знакомые нам Кант, Гегель, Кьеркегор, Шопенгауэр, Ницше. Но лишь Фрейд сумел придать представлениям о бессознательном практическое значение, они позволяли ему лечить людей, избавлять их от психических недугов. Созданное им учение называют психоанализом.

Главная идея Фрейда была довольно простой: человек - существо эротическое. Глубинная сущность человека - сексуальное влечение - либидо (позднее Фрейд будет много рассуждать о двух главных инстинктах, инстинкте жизни - эросе и инстинкте смерти - танатосе). Это влечение приходит в конфликт с сознанием, вынужденным реагировать на окружающую социальную среду с ее многочисленными запретами. Сексуальные влечения вытесняются из сознания, они становятся бессознательными, проявляясь в сновидениях, в различного рода нерациональных действиях, в неврозах. Путь избавления от неврозов - это анализ психики, сначала обнаруживают бессознательное (это делает квалифицированный врач-психиатр), а затем, если пациент способен на это, то бессознательное переводится в сознание. Оно перестает существовать, исчезает источник болезненных неврозов. Однако никто и никогда не способен избавить человека от бессознательного полностью, ибо в своем фундаменте человек есть существо не сознательное, а бессознательное. Доминирует именно последнее. Так считают фрейдисты. Далеко не все согласны с ними.

ВЫВОДЫ Человек и уникален, и универсален. Человек - венец природы, которому нет равных, он обладает уникальными способностями. Но он и универсален, ничто ему не чуждо - ни космос, ни биологические, порой грубые инстинкты, ни утонченная, возвышенная деятельность.

Человек - это соотношение внутреннего и внешнего. Духовный мир человека - это его внутренняя жизнь, но она символизируется в различных формах деятельности, в игре, труде, художественном творчестве. В итоге человек оказывается существом общественным.

Человек един, но не однороден, не одномерен. Человек биологический, действующий, разумный, чувственный, рациональный, этический - все это объединено каждой конкретной личностью.

Человек сам творит свой духовный мир, мир ценностей науки, искусства, морали.

Человек - существо историческое, и в качестве такового он стремится органично внедриться в будущее, где его ожидают опасности, риск оказаться в кризисном, может быть, даже безвыходном положении. Человеку не избежать бремени ответственности перед собой лично и другими людьми. А раз так, то ему нужна хорошо развитая философская база.

Множество людей озабочено судьбой и природой человека, они рассуждают, размышляют, создают программы, но часто даже не подозревают, что проходят мимо накопленного в философии богатства. Без философии воззрения о человеке оказываются довольно бедными, малодейственными. Такова реальность. Отметим также, что нами не закончено рассмотрение природы человека, оно будет продолжено в последующих главах.

1.2. НЕМЕЦКАЯ ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ.

Философская антропология как единая наука о человеке была создана усилиями ряда философов Германии, в частности М.Шелера, А.Гелена, Х.Плеснера, Э.Кассирера. Они исходили из посылки о том, что “единая идея” человека, то есть наука о человеке в полном смысле этого слова, возможна. Они полагали, что такая наука должна опираться на данные частных наук – психологии, морфологии, физиологии чувств и т.д., но она должна выйти за их пределы, то есть иметь философский характер. Эта наука по замыслу А.Гелена не должна стать метафизическим построением, как это было раньше, а опираться на эмпирически-научные данные. В этом случае она будет свободна от спекуляций и примет строгий и доказательный вид.

Эти общие посылки были реализованы прежде всего посредством обращения к природе, которая порождает человека, равно как и животное. Макс Шелер (1874 - 1928) в книге “Положение человека в космосе” /1928 г./ утверждал о том, что в границах естествознания можно вполне отстаивать тезис о том, что человек есть неполноценное животное. Подобный тезис выдвигал и Арнольд Гелен (1904 – 1976) в своей книге “Человек. Его природа и место в мире” (1940). Он называл человека недостаточным существом, так как он хуже, чем животное оснащен инстинктами и в этом смысле незавершен и незакреплен в своей животной-биологической организации. Эту мысль можно проиллюстрировать такими фактами: человек наименее приспособлен к природе, чем животное (отсутствие волосяного покрова, средств защиты – когтей, клыков, копыт и т.п.). Человек уступает многим видам животных в продолжительности жизни (крокодилам, черепахам, некоторым видам рыб и др.). он имеет очень длительный период роста и развития (до 20 лет) и в течении его нуждается в защите. В естественных условиях человек как вид был бы давно истреблен.

Если в животном природа заложила цель и сам механизм ее осуществления, то в человеке заложена только цель, механизм же ее воплощения “отдан” самому человеку, и орудием этого является его разум.

Это можно рассматривать как компенсацию за природное несовершенство человека, как предпосылку его самостоятельности перед той природой, которая в силу отсутствия у нее разума, оказалась ниже его – человека.

Таким образом, то, что делает человека человеком, лежит вне естественного процесса жизни и несводимо к естественнонаучной эволюции жизни. М. Шелер выделяет в этой связи разум, или лучше сказать дух (это понятие шире, так как помимо логики оно объемлет акты воли, доброту, раскаявание, почитание и т.п.).

Именно дух делает человека в отличии от животного деятельным существом. Животное, по Гелену, “вписывается” в заданный ему регион, не выбирая его; оно по “распоряжению природы” осуществляется как таковое в жёстко предназначенной ему среде. Человек же, оставаясь один на один с природой, сам выбирает для себя способы приспособления к ней и тем самым неизбежно “достраивает” окружающую среду, преобразуя ее в соответствии со своими замыслами.

Так человек просто обречен действовать, то есть изменять действительность; это относится не только к природе, но и к общественным институтам, имеющим в сущности антропологический характер. Совокупность таких изменений в месте с необходимыми для этого средствами должно называться культурой. А.Гелен считал культуру – действие человека в соответствии с планом – сущностью человека, и полагал, что именно на этой основе можно построить совокупную науку о человеке.

Хельмут Плеснер (1892 – 1985) в своей книге “Ступени органического и человек” (1928) указал на такую характеристику человека, как эксцентричность его существа. Жизнь животного центрична в том смысле, что оно всецело привязано к природе и не выходит из нее; человек же, не имея возможности разорвать связь с природой, тем не менее покидает пределы природной колыбели и выходит во вне ее. Там, где у животного в качестве основы имеется окружающий мир, у человека располагается сфера культуры. В этом двуцентричном бытии состоит неустойчивое положение человека, так как имеет место разрыв его бытия на тело и душу, но реально человек живет в психофизическом единстве, объясняющем и то, и другое. Но это единство не есть постоянное равновесие, важнее то, что оно выглядит динамичным компромиссом тела и души, являясь в сущности их разрывом.

Что касается духа, отмечает А.Гелен, то существенна не его субъективность (Я), а сфера его социальности (МЫ). Тогда логично будет умозаключить, что отдельный человек имеет случайный характер, ибо на его месте может оказаться кто-то другой, и не важно, кто это будет. Иными словами: человек есть человечество, ибо он заменим и заместим. Этим объясняется та двойственность человеческой природы, которая “бросает” человека то к самоутверждению, то к сдержанности. Именно она и выступает в качестве одного из мотивов социальной организации, которая уравнивает эти противоположные устремления. Создавая социальные и политические институты, общественные организации и движения, общество ограничивает индивидуальные устремления его членов; но в этом оно одновременно и берет под защиту права и свободу конкретного человека.

Теперь присмотримся более внимательно к роли духа, о котором писал М.Шелер. он отметил очень важную черту человеческого духа, а именно ту, что дух есть предметность, ибо он видит в окружающем мире вещи как предметы, имеющие для человека самоценное и окончательное значение. Определечивание мира позволяет человеку, носителю духа, осуществлять процесс познания и создавать картину мира.

В этом, однако, кроется и другая важная черта, свойственная духу. Он, обладая неким импульсом влечения, не позволяет себе остановиться на достигнутом; он, познав одно, неизменно устремляется к другому и так далее без остановки. Границы познания имеют лишь временный характер, ибо они в тенденции всё время отодвигаются.

Это очевидное обстоятельство даёт возможность сказать, что человек безгранично открыт миру, то есть он бесконечно стремится навстречу ему. По сравнению с животным, которое всегда говорит “да” своему окружению, человек выглядит “вечным протестантом”; зверем, алчущим нового, никогда не успокаивающимся на достигнутом.

Человеку дано и самосознание, то есть он опредмечивает и своё переживание, и физическое состояние. Но дух не может стать предметом самого себя, ибо в этом случае он утратил бы свою сущность, она заключается в свободном осуществлении всех актов.

Особенность духа раскрывается в акте идеации, то есть способности постижения сути мира путем созерцания отдельных фактов. Шелер приводит такой пример: Будда видит отдельного бедняка, одного больного, одного умершего и сразу постигает суть мира. Такое знание, как полагал Шелер, имеет априорный характер (здесь он разделял точку зрения И.Канта).

Из этого следуют два положения:

- идеация даёт для позитивных наук (естествознания) высшие аксиомы, направляющие исследования;
- в философском смысле она означает способность человека к разделению существования и сущности, что составляет основной признак человеческого духа. Для человека существенно не то, что он обладает знанием (хотя это и важно), а то, что он обладает способностью овладеть сущностью.

Таким образом, выделившись из природы, человек благодаря духу оказался вне её на пути в “ничто” (вне пространства и времени), и этот путь открывает ему возможность “абсолютного ничто”. Так он приходит к религии и укореняет себя по ту сторону мира. Эту мысль Шелера разделяет и Х.Плеснер, говоря: осознавая свою ничтожность, человек ищет мировую основу в религии. Поэтому она необходима ему. “Атеизм легче провозгласить, чем осуществить”.

С иной методологической позиции подходит к раскрытию сущности человека Эрнст Кассирер (1874 – 1945). В своей трехтомной “философии символических форм” (1923 – 1929) и в “Эссе о человеке” он делает акцент на основополагающее значение “культурного космоса” для определения человека.

Еще М.Шелер обнаружил тот факт, вытекающий из всех предшествующих теорий, что свойственный им метод радикального усмотрения сущности привел к такому обилию определений, что соединить их в нечто единое нет никакой возможности. В итоге наша современная теория о человеке утратила свой интеллектуальный центр и предстала перед нами как некое хаотическое разнообразие. И это неудивительно, ибо всем вышеуказанным теориям оказалась свойственной одна логическая ошибка – они часть выдают за целое, то есть какую-то одну сторону человеческой природы объявляют всей его натурой.

Рациональность человека, рассматриваемая многими как его основная характеристика, не может считаться единственной и завершающей, ибо не менее важна иррациональная сторона человеческой природы. Человек живет не только в мире разума, но и в мире религии, искусства, истории, языка. Для теоретического описания этой реальности Кассирер вводит понятие “символ”. Он видит единство всех вышеперечисленных форм иррациональной жизни духа в их

символической природе, все они – суть символические формы; именно поэтому единственно определение человека должно быть таково: человек есть символическое животное (*animal symbolicum*).

Но это определение вводит нас в сферу культуры и побуждает искать первичные истоки человека именно там. Кассирер подчёркивает холистский (от греч. *Holos* – целый, весь) характер всех символических форм; их плюрализм с необходимостью сочетается с их принципиальным единством, стержнем которого и выступает символ как субстанциальная форма. Таким образом, единство мира констатируется не только наукой, но и языком, мифом, искусством и т.п. символическими формами. Физический космос дополняется культурным космосом. Но сущность человека формируется в символической реальности, каковой является культурный космос.

В этом пункте своей теории Кассирер расходится с Шелером, ибо он – Шелер – полагает, что символ закрывает нам доступ к самим вещам, а то и “упраздняет” саму реальность, то есть мир вещей. Познать вещь, по Шелеру, значит познать ее как таковую, то есть десимволизовать ее. Но Кассирер считает, что между человеком и миром не может быть никакой прямой связи, так как человек творит мир посредством символов, и в этом состоит миссия его жизни. Человек творит мир символов и сам оказывается в центре его; всякая же попытка покинуть этот мир (перейти в “рай чистой непосредственности”) видится Кассиреру как “философская мистика”.

Он исходит из того, что сущность человека исчерпывается кругом его деяний; они заключаются в творениях языка, мифов, религии, искусства, науки, истории и т.д.. В этом случае задача философии состоит в установлении единства всех этих символических форм.

Нам представляется, что Кассирер – один из “пионеров” философии символизма, ставит проблему культуротворческой сущности человека и призывает нас глубже осмыслить нашу культуротворческую функцию с позиции ее общей значимости для нас.

1.3. ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ.

Психоаналитическое учение о сущности человека является нетрадиционным для философской антропологии, ибо оно выводит наше видение человека за пределы разума и открывает новые горизонты его постижения. Основателем этого направления в антропологии стал Зигмунд Фрейд / 1856 – 1939 /, австрийский врач-невропатолог, который предложил новый метод лечения невротиков. Основой этого метода стало учение о бессознательном в структуре человеческой психики, которое, как утверждал Фрейд, является источником неврозов. Психоанализ как метод лечения в ходе дальнейшего осмысления его исходных позиций превратился в философское учение о человеке и вскоре приобрел широкую известность.

В чем же состоит это учение?

В самых общих чертах его можно изложить так: структура человеческой психики видится Фрейду как сложное построение, составными элементами которого являются три начала: 1) “Я” (*Ego*) - синоним сознания, которое подчиняется принципу реальности; 2) “сверх-Я” (*Super Ego*) - синоним “Я – идеал”, поскольку здесь Фрейд усматривал присутствие культуры, моральных норм общества, религии, родительского авторитета, общественного мнения и т.д.; 3) “Оно” (*Id*) - подсознательное (или бессознательное) - глубинный слой психики, скрытый от сознания, но неизменно присутствующий как бы внутри его.

Этот глубинный слой психики (“Оно”) является, по Фрейду, источником и носителем энергии либидо, то есть энергии сексуального влечения (лат. *Libido* означает желание, влечение,

стремление). Либи́до имеет характер природного инстинкта, то есть проявляется вне зависимости от сознания, которое, как мы сказали, подчиняется принципу реальности и испытывает на себе “давление” “сверх-Я”, то есть культуры и морали. И в этом состоит принципиальная конфликтность внутреннего мира человека: бессознательное влечение сталкивается с жёсткими требованиями культуры (и религии). Из этого возникает агрессия, в ряде случаев она порождает невротическое состояние.

Рассматривая само подсознательное, Фрейд увидел в нем противоборство двух начал, которое он обозначил символами Эроса и Танатоса. Первое (Эрос) является инстинктом жизни, оно конструктивно и созидательно; второе (Танатос) - инстинктом смерти, разрушения, разложения и т.д. Борьба Эроса с Танатосом определяет жизненную линию поведения человека.

Эти начала, по Фрейду, присутствуют в каждом человеке от рождения и сопровождают его в течение всей его жизни. Они не только “борются” между собой, но и проявляются друг через друга, то есть они в равной степени необходимы. Например, инстинкт самосохранения имеет эротическую природу, но он нуждается в известной агрессии для реализации своей цели. Живое существо сохраняет свою жизнь, разрушая чужую, - так заведено природой. У человека инстинкт смерти, направленный вовне, становится деструктивным (это ситуация, кажется, не нуждается в особых пояснениях), но часть этого инстинкта остается внутри психики человека и проявляется в нем в форме совести. Она, как известно, есть внутренний судья и исполнитель своего приговора.

Что же касается энергии либи́до, то ее проявление Фрейд иллюстрирует так называемым Эдиповым комплексом, который присущ мальчику с раннего детства, и далее он определяет жизнедеятельность взрослого мужчины, - речь идет о влечении мальчика к матери и возникающей на этой основе враждебности к отцу как “конкуренту”. Имя Эдипа взято из древнегреческого мифа, согласно которому Эдип женился на вдове убитого им царя Фив, но неожиданно узнал, что погибший был ему отцом, а следовательно его жена с самого начала была ему матерью. Для девочек подобная ситуация описана Фрейдом как комплекс Электры, в котором выражается враждебность чувств дочери к матери как к своей сопернице в ее отношении к отцу.

Подобные истолкования внутренней жизни человека придают ей некий трагический оттенок. Однако у Фрейда говорится о трансформации энергии либи́до в определенные формы высшей деятельности человеческого духа. Это явление получило название сублимации. В этой возможности Фрейд увидел общий источник высоких творческих потенций человека, приведших к созданию им науки, искусства, религии и др. Этим же Фрейд объяснял и истоки гениальности личности (см. его работу “Леонардо да Винчи”).

Учение Фрейда положило начало новому направлению в философской антропологии и вместе с тем поставило перед человечеством новые проблемы. Прежде всего оно перечеркнуло идею о безраздельном господстве разума в жизни человека и в истории, тем самым была продолжена линия, идущая от С.Кьеркегора, А.Шопенгауэра, Фр.Ницше и др. Фрейд как бы вернул природу в лице ее инстинктов на ее законное место. Вместе с тем он опроверг и другую идею, а именно об исключительно благотворном влиянии культуры на человеческую личность, указав при этом на репрессивный характер культуры, что в ряде случаев выражается в утрате людьми (и народами) психического здоровья. Культура должна не конфликтовать с природой в человеке, а войти в состояние гармонии с ней – вот его мысль! Кроме того, Фрейд полагал, что природные корни войны и агрессии могут быть “обузданы”, если люди придут к идентификации своих интересов через усиление жизнелюбивой тенденции подсознательного, хотя, как он отмечал, практически добиться этого будет трудно.

Как и каждый мыслитель значительного масштаба Фрейд был подвергнут критике учениками и последователями его учения; это касается истолкования ими Эдипового комплекса, а также той исключительной роли, которую Фрейд придавал индивидуальной сексуальности личности, а также по другим вопросам.

Его учение продолжил, но при этом придал ему несколько иное толкование Швейцарский психолог и культуролог Карл Густав Юнг (1875 – 1961). В ряде своих работ, среди которых видное место занимает “Архетип и символ”, он выделил как особый компонент подсознательного его коллективную форму. (У Фрейда говорилось об индивидуальном “Оно”). “Для меня, - писал Юнг, - бессознательное есть коллективная психическая предрасположенность, творческая по своему характеру”.

Согласно Юнгу, в ходе длительной эволюции психики бессознательное вырабатывает устойчивые формы – архетипы (от греч. arche – начало, typos – образ). Это изначальные, врожденные психические структуры, образы, лежащие в основе коллективного бессознательного; они выражаются в мифах, сказках, в художественных фантазиях, сновидениях и т.п. В своей совокупности все они составляют базовое пространство коллективной психики, внутри которого находят свою основу все другие представления человека.

Стремясь обнаружить коллективное бессознательное и указать на него, Юнг пытается провести различия между “неистинными ликами” и “подлинным Я”. С этой целью он выделяет целую галерею человеческих персонажей, а именно: “Тень”, “Персону”, “Аниму”, “Анимус”, “Самость”. Расшифруем их значение.

“Тень” – это негативная сторона человека, всё низменное, животное, примитивное, но скрытое за маской благопристойности. “Персона” - это маска коллективной психики, олицетворяющая собой компромисс индивида с обществом. “Анима” и “Анимус” - архетипы женского и мужского начал, содержащиеся в образах человеческого Я. “Самость” - целостная личность во всей полноте ее индивидуальных свойств. Указанием на эти маски Юнг пытается показать сложную природу человеческой личности, ее раздвоенность и утрату ею идентичности, то есть единства выражения и существования. Человек многолик, - говорит Юнг, и в этом вина Западной цивилизации. Но как вернуть его себе самому?

Юнг полагал, что этого можно достичь путем идентификации на основе архетипов коллективной психики, устанавливая всеобщий и обязательный характер ее архетипов. И это дается не разумом, а иными средствами: архетип нельзя объяснить самому себе и другим. Он постигается и осознается тогда, когда мы следуем за мифом, придавая ему современное облачение. Ценность архетипа в том, что он связывает нас с прошлым, от которого мы в ходе прогресса сильно оторвались и поэтому утратили свои глубинные корни.

Интересны рассуждения Юнга об архетипе младенца, например. Ведь младенец – это все покинутое и брошенное на произвол судьбы и в то же время божественно-могущественное, но ничем не замечательное. Вечный младенец в человеке – это неопишное переживание, некая несообразность, внутреннее препятствие и в то же время божественная прерогатива. Младенец в человеке – это начало в его жизни, и это ее конец (впадение стариков в детство). Мотив младенца, таким образом, представляет собой подсознательный, младенческий аспект коллективной души.

Архетип, согласно Юнгу, сдерживает прогресс, ибо он более естественен и в силу этого более морален; тогда как прогрессивный идеал есть плод чистого разума, всегда абстрактен и поэтому менее естественен. Он уводит человека от самого себя, хотя иллюзия движения всегда

имеет место. В этих и других рассуждениях Юнга содержится критика Западной цивилизации и тревога за человека, оказавшегося в конфликте с самим собой.

Юнговское понимание человека состоит в его целостном видении, и это видение выражается персонажем “Самость”. “Я выбираю термин “самость” для обозначения тотальности человека, тотальной суммы сознательного и бессознательного существования”, - так сформулировал свою антропологическую позицию Юнг. Таким образом, человек по Юнгу это самостное существо.

Среди последователей Фрейда, критически настроенных к его учению, был венский врач и психолог Альфред Адлер (1870 – 1937). В своих работах он стремился преодолеть идею Фрейда о сексуальной обусловленности поведения человека и показать значение факторов иного рода, а именно личностных и социальных. Если К.-Г.Юнг обращался к символике бессознательного, то Адлер выделил “чувство неполноценности” и механизмы его компенсации как главные причины развития и становления человека. Человек рождается слабым и беспомощным, он наделен природой физиологическими недостатками. Окружающий мир сигнализирует ему о его несовершенствах, и это приводит к расщеплению его сознания, к разного рода конфликтным ситуациям.

Однако, под влиянием этого чувства – чувства своей неполноценности, человек вырабатывает механизмы компенсации; в ходе их “включения” осуществляется бессознательное развёртывание жизнедеятельности индивида. Побудительными мотивами при этом выступают: стремление к власти (здесь заметно влияние идей Фр.Ницше). Позже Адлер говорил о стремлении к превосходству и стремлении к совершенству. Сами эти мотивы имеют смысл тогда и только тогда, когда человек находится в социальной среде, то есть среди других людей, что и побуждает его стремиться к превосходному и к совершенству по к себе подобным. Социализация индивида – важная часть концепции Адлера, ибо здесь человек имеет возможность видеть себя как бы со стороны, то есть глазами другого человека (и общества). Если Фрейд видел в “сверх - Я” (культуре) подавляющую функцию по отношению к “Оно”, то Адлер усмотрел в культуре и социальных нормах позитивный фактор, запускающий механизм компенсации и таким образом помогающий индивиду преодолеть свое несовершенство. Кроме того, бессознательное у Адлера не противостоит сознанию, как в учении Фрейда, а дополняет его. Концепция Адлера привлекает внимание философов, психологов и культурологов к исследованию культурных и социальных факторов человеческого бытия.

Среди представителей неопрейдизма значительное место занимает американский социальный психолог и философ Эрих Фромм (1900-1980). В отличие от Фрейда, он уходит от крайностей биологизации в понимании природы человека, равно как и от социализации этой природы, в чем он усматривает ошибку А.Адлера. относительно последнего Фромм полагает неверным представлять индивида как некое подобие марионетки в руках общества.

Позиция Фромма формулируется им в экзистенциальном ключе; он фиксирует внимание на бессознательных противоречиях человеческого духа, которые возникают сами собой в ходе реальной жизни, но разрешаются индивидом на протяжении всей его жизни. По Фромму сущность человека представляет собой противоречие между бытием “брошенного в мир не по своей воле” человека и тем, что он выходит за пределы своей биологической природы благодаря способности “осознания себя, других, прошлого и настоящего”.

Выделение человека из животного мира приводит к возникновению “экзистенциальных дихотомий”, они и обуславливают особенность человеческого бытия. Например, одна из них заключается в одновременной силе и слабости человека, являющегося и частью природы, следовательно подчиняющегося ее законам, и субъектом, наделенным разумом и способностью осознавать свою беспомощность. Ясно, что человек силой обстоятельств поставлен в такие

условия, когда он должен сам принимать решения; осмысливая альтернативные варианты, он далеко не всегда уверен в своей правоте и способностях. Это неизбежно порождает у него тревогу и беспокойство, что говорит о наличии еще одной “экзистенциальной дихотомии”. Будучи брошенным в этот мир в “случайном времени и месте” и “изымаемым” из него опять же случайно, человек осознает неизбежность своей смерти, и это осознание сильно влияет на его духовную жизнь, порождая “экзистенциальную дихотомию”, которая, как видно, коренится в самой сущности человека.

Иная сфера сложности человеческого бытия – исторические противоречия, которые возникают в процессе жизнедеятельности людей, их исторического развития. Примером таких противоречий может служить противоречие между достижениями научно-технического прогресса и неспособностью людей использовать их на благо себе и другим.

Фромм полагает, что эти противоречия могут быть разрешены, но для этого человеку надо измениться самому, проделав в своем сознании большую духовную работу. В своей книге “Иметь или быть?” он ставит эту проблему и призывает нас сделать акцент на “быть!”, отказавшись от непомерных притязаний на блага и свободы (“иметь!”).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что человек рассматривается Фроммом как “незавершенное существо”, но такое, которое находится в постоянном и активном поиске своего оптимального развития, даже несмотря на то, что этот поиск может оказаться безуспешным, поскольку внешние условия часто бывают неблагоприятными. Как видно, концепция человека Э.Фромма подчеркивает значимость внутренних духовных потенций человека и его ответственность за свою судьбу и высокое предназначение. В силу этого она может рассматриваться как гуманистическая и оптимистическая.

Рассмотренные выше концепции и подходы свидетельствуют об актуальности проблемы человека. Они вплотную подводят нас к выяснению духовной ситуации нашего времени.

2. ДУХОВНАЯ СИТУАЦИЯ НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

Духовная ситуация нашего времени давно уже стала темой №1 для многих интеллектуалов – ученых, политиков, философов, деятелей искусства, служителей церкви, видных бизнесменов и др. Они прежде всего выражают беспокойство и даже тревогу за будущее Западной цивилизации и планеты Земля, предлагают принять такие меры, которые могли бы изменить положение в лучшую сторону.

Если прибегнуть к известной метафоре, то XX век – это “железный век” (А. Блок). Именно в XX столетии развернулся во всю ширь научно-технический прогресс, коренным образом преобразовавший экономическое производство, технологические процессы, системы управления и т.д.; он – прогресс – утвердил человека в его уверенности относительно своих возможностей, сделав его независимым от природы. Сегодня человеку покорились пространство и время (глобальные линии связи, межконтинентальные транспортные линии, информационные технологии и др.). все это вполне заслуженно воспринимается нами как великое завоевание человеческого духа.

Вместе с тем нельзя не видеть и обратной стороны этого завоевания. Ведь именно в XX столетии человечество пережило две опустошительных мировых войны, возникших в недрах Западной цивилизации. И хотя угроза третьей мировой войны сегодня отодвинута, считать ее полностью устраненной пока нет оснований. В XX век сформировались и довольно продолжительное время действовали в качестве духовных основ политики тоталитарные по своей сути идеологии (фашизм, коммунизм и т.п.); они питали те общественные системы,

которые не только жестоко подавляли инакомыслие (современная форма средневековой инквизиции), но и были причиной политической и военной конфронтации.

К этому можно добавить многочисленные локальные войны и конфликты в самых разных регионах нашей планеты, кровопролитные и жестокие гражданские войны; националистические движения, прибегающие к тактике терроризма – все это красноречиво говорит само за себя.

Но даже в тех благополучных в экономическом отношении странах, где достаточно высокий уровень жизни, мы не видим благополучия социального и духовного; ведь не секрет, что в этих странах существует довольно внушительная статистика террористических актов, наркомании, суицидов, распада семей, наблюдается упадок религиозного нравственного влияния. Высшие управленческие эшелоны власти нередко становятся мишенью для СМИ по поводу коррупции или равного рода аморальных и противозаконных действий их представителей.

Есть, однако, и более тревожные симптомы духовного кризиса. В последние 25-30 лет вполне осознанно мы стали ощущать глобальные проблемы; среди них первостепенными считаются экологическая и энергетическая проблемы, проблема природных ресурсов, проблема техногенной опасности, а также проблема разительного экономического и культурного неравенства (“богатый Север – бедный Юг”). Все это создает новый тип угрозы, не имеющей аналога в прошлом. Всем нам – землянам – сегодня недостает способности осознать всю серьезность такой угрозы и необходимости предпринять практические согласованные шаги навстречу ей.

В общем итоге ситуация видится так: невиданный ранее научно-технический прогресс (с одной стороны) и на его фоне – утрата духовных ценностей (с другой стороны). Человечество теряет веру в будущее, теряет чувство позитивной перспективы; цели развития становятся “бездушными”, формальными, а человек все больше осознает себя как объект анонимной, но враждебной ему, необходимости. Чувство духовного тупика – вот самый общий знаменатель всех форм сознания современного человека.

Как же возникла описанная нами ситуация? Какие факторы привели к ее формированию? В ряде известных источников даются ответы на эти вопросы.

Массы. Испанский философ Хосе Ортега-и-Гассет (1883 – 1955) в своей широко известной работе “Восстание масс” (1930 г.) одним из первых в XX столетии указал на те последствия, которые имел для Западного общества демографический фактор и связанное с ним омассовление всего Западного общества. Этот процесс берет начало с XIX столетия, когда население Европы в период с 1800 по 1914 г.г. скачком достигло 460 млн. человек (тогда как за предыдущие 12 веков не поднималось выше 180 млн. чел.), то есть резко выросло более, чем в 2,5 раза. Это вызвало коренные изменения в жизни общества, которые Ортега образно назвал “восстанием масс”.

Суть его в том, что элита (политическая, культурная и пр.) была оттеснена на второй план, на передний план во всех областях жизни вышла масса. Она овладела всем тем, что раньше было доступно исключительно меньшинству общества и стала определять своими мерками все проявления общественной жизни. Самое существенное в том, что масса вытеснила всякую индивидуальность, она “убила” все неординарное, благородное, избранное и выдающееся. Она утвердила свой критерий: человек должен быть таким, как все (в мыслях, оценках, стремлениях, поступках и т.д.). Масса породила среднего человека, и он стал главным героем современной истории. Человек-масса (“средний человек”) может принадлежать к самым разным слоям общества, но все эти люди будут связаны одинаково воспринятыми словами и

мнениями. Единство того и другого – одно из качеств массы. Но оно носит временный характер, ибо оно навязано членами общества извне и не учитывает присущего им от природы стремления к обособлению, к проявлению индивидуальности. Поэтому масса неизбежно становится манипулируемым объектом; она (по Г. Лебону) обладает импульсивностью, внушаемостью, терпимостью к мнению, склонностью к частым изменениям своего настроения и т.д. Отдельный человек живет разумом, масса же живет инстинктом. Люди, сбитые в массу, представляют нечто качественно иное, нежели люди сами по себе. Это хорошо показано в книге современного психолога Франции Сержа Московичи “Век толп”, которая сообщает опыт XX столетия в сфере господства психологии масс.

Именно в силу указанных свойств масса поглощает личность, убивая в ней индивидуальность. “Средний человек” приобрел мир и жизнь (ему стали доступны материальные блага, раздвинулись границы его свободы, появились новые возможности – путешествовать, учиться, занимать хорошо оплачиваемые должности, участвовать в политической и общественной жизни и мн.др.), но при этом замкнулась его душа, она стала непроницаемой. Жизнь, лишенная прежних запретов, смела всякий авторитет, кроме авторитета массы. Человек оказался один на один с толпой. Стал беззащитным перед ней. Приспособившись к этой ситуации, человек не использует своего интеллекта (это путь к глупости); в порядке самозащиты человек прибегает исключительно к “своему” мнению, не слушая других. Так приверженность массе сочетается со стихийным бунтом против нее. Но, как отмечал еще А. Камю, бунтует раб, но не свободный человек. В этом случае коммуникация носит извращенный характер, а бытие духа становится неидентичным (направленным против самого человека).

Опыт реальной истории показывает нам во что это может превратиться, если во главе массы оказывается “вождь” (а это происходит неизбежно). Уставшая от идейных и прочих блужданий масса жаждет вождя, фюрера, генерального секретаря или еще кого-либо из этого ряда, уповая на их способность, якобы, “навести порядок”; тогда возникают тоталитарные идеологии и системы, которые “узаконивают” массу в ее притязаниях и человека-массу вместе с ней. Это самый трагический и самый негуманный итог омассовления современного общества.

В тех общественных системах, где в массовом сознании прочно укоренились демократические ценности (приоритет общечеловеческого над идеологическим, права человека и их защита и т.п.), до этого как правило дело не доходит, но это не спасет современное общество от духовного кризиса, который порождается омассовлением всего и вся. Сегодня мы уже привыкли к словосочетаниям “массовая культура”, “массовое производство”, “массовое потребление”, “средства массовой информации”, “массовые зрелища”, “массовые партии”, “массовые общественные организации” и т.д. и т.п. И здесь личность подвергается повседневному давлению массы.

Аппарат. Среди факторов, определяющих духовную ситуацию времени, немецкий философ Карл Ясперс (1883 – 1969) называл бюрократический управленческий аппарат.

Масса, в силу присущих ей свойств, не могла бы существовать без громадного механизма управления; именно в нем она находит свою опору, без него она ничто. Масса неизбежно порождает “массовую” бюрократию, архипелаг чиновничьих структур, которые учитывают, высчитывают, планируют, определяют, контролируют, требуют постоянного отчета с низов и плодят многочисленные руководящие бумаги, смысл которых обычному человеку часто просто непонятен. Но без всего этого, стоящего над массой, масса не выжила бы.

Аппарат, будучи порождением массы, сам всецело ориентируется на массу, на ее потребности и вкусы: в области производства - на массу потребителей, в области духа - на массовую культуру, в области информации и управления - на средства массовой информации, в политике - на интересы массы (производителей, среднего класса и т.д.). В таком своем качестве аппарат

становится универсальным механизмом как по масштабам (он велик и вездесущ), так и в качественном отношении (он уникален и единственен, кроме него ничего другого нет). Он и надежда, и опора, и реальность массы; но он и ее "поработитель", "притеснитель", "организатор", - с этой его ролью масса смирилась, ибо, как говорится, иного ей не надо.

Скрытая критика бюрократии содержится в Ганноверской Декларации (1993г.) Римского клуба (неправительственная организация интеллектуальной элиты, разрабатывающая рекомендации политикам по вопросам мировых проблем). В ней говорится, что в Европе и в мире все еще функционируют архаические институты управления, продолжают работать устаревшие экономические теории и политические структуры. Радикальные перемены необходимы, и они должны коснуться не только этих структур, но и менталитета людей. Требуются новые формы управления. Необходима подготовка новых политических руководителей.

Техника. Это особый фактор, определяющий жизнь и содержание Западной цивилизации, ее сущность, цели и общий характер. Ключевую роль техники в современном обществе отмечали многие философы. Приведем высказывания некоторых из них.

К.Ясперс констатировал тот факт, что мы уже давно живем в техническом мире, где, в отличие от прошлых времен, имеет место подлинное господство человека (и общества) над природой. Начиная от последних веков Нового времени мир приобрел такое количество железа и бетона, что стало ясно: человек заковал планету в сеть своей аппаратуры. Планета стала похожа на единую фабрику использования материалов и энергии.

Техника развивается в неслыханных темпах и масштабах; она теперь стала Второй природой или метатехникой (термин японского философа Т.Имамичи), оттеснив от человека Первую природу - естественную Природу, Природу Аристотелевского смысла. Метатехника сегодня - это и есть наша среда обитания.

Машина стала ближе человеку, чем Первая природа в лице животного, например. В этом последнем случае животное олицетворяет свою природную форму; машина же сконструирована самим человеком и никаких своих тайн (форм) она не имеет. Она близка нам своей функциональной полезностью и только, и именно в силу этого позитивного свойства она нам ближе, чем самое экзотическое животное.

Н.А. Бердяев (1874 - 1948) отмечал феномен обездушивания человека, поставившего между собой и Первой природой машину. Машина сделала человека независимым от природы, она стала орудием подчинения природы человеку, и человек "опьянел" от сознания своей свободы и силы. Он уже не может остановить себя в своем движении вперед, дальше и дальше по пути технического прогресса, но он далеко не всегда осознает того, что он уже перешел (и продолжает переходить!) разумные границы своей свободы. Он утратил душевные свойства - деликатность, осторожность, душевный трепет, разумный страх и т.п., - без которых он едва ли может считаться подлинным человеком. В этой связи раскрывается смысл фразы французского философа Жана-Поля Сартра (1905 - 1980): после Хиросимы (имеется в виду ее атомная бомбардировка американцами в начале августа 1945 г.) человечество осознало, наконец, что оно свободно. Это надо понимать так, что предел стремлений человека к свободе в мире техники есть полный абсурд, хотя он таковой многими и не осознается, ибо политика, опирающаяся на атомную дипломатию, выглядит вполне разумной и даже необходимой.

Западная цивилизация фактически стала заложницей у техники, ибо техника как среда обитания приобрела независимость от человека: она сама "ставит" себе цели и "определяет" направление развития; человеку же остается думать и действовать в соответствии с императивами технологии. Но самое тревожное состоит в том, что в таком своем качестве

техника активно формирует самого человека, его духовность. Масса стала собой именно "благодаря" технике.

Техника насильственно, властно и неизбежно организует людей, подчиняет их логике технологического процесса, предъявляет к ним определенные требования, и они становятся придатком техники. Эту сторону вопроса хорошо показал еще К.Маркс. Люди (работники) у техники превращаются в разновидность функциональных устройств, ибо от них требуется технологическая дисциплина, внимательность, деловитость, действия автоматического характера, а также знания технологических процессов, инструкций и т.п. Индивид становится функцией: для него быть означает быть в деле, в процессе.

Технически насыщенный и организованный быт уравнивает все слои общества в едином восприятии всего и вся. Средства связи и сообщения, радио и газеты, кино и телевидение настолько сократили расстояния и время, что у нас возникает чувство единства с жителями не только других стран, но и далеких континентов. Для сравнения скажем, что о смерти Наполеона А.С.Пушкин узнал лишь спустя три месяца после этого события. Сегодня о подобных событиях мы узнаем через несколько часов, а то и минут.

Зная все, мы соперееживаем всему, но так как это практически невозможно, то наши соперееживания становятся бездушными, формальными. Техника не только объединяет нас, она еще унифицирует наши мысли и чувства, распространяя и навязывая всем нам одни и те же стандарты и критерии, оценки и подходы. Мы разучиваемся думать, искать, оценивать события и вещи самостоятельно - нам предлагают все то, что уже решено за нас и принято другими. Мы же боимся выпасть из орбиты общественного мнения и оказаться вне ее. Таким образом, "благодаря" технике наше бытие мыслится нами исключительно как "Мы", но не как "Я".

В этом кроется опасность для всех, ибо стандартизация восприятия, унификация мыслей и действий порождают конформистов по духу, то есть людей, некритически воспринимающих социальную реальность, готовых одобрять ее даже тогда, когда она выстраивается на сомнительных в моральном отношении началах (национальный и корпоративный эгоизм, гонения на инакомыслящих, апелляции к большинству, вождизм и т.д.).

В настоящее время технический прогресс определяется во многом развитием информатики. Гигантские по объему банки данных, развитые компьютерные сети, включая Internet, позволяют "учесть" чуть ли не каждого жителя страны и выдать информацию о нем даже деликатного свойства. Если в этом состоит удобство для полиции (борьба с преступниками), налоговой службы и др. служб государственного назначения, то в этом кроется и опасность, ибо при случае эта технология может быть использована в тоталитарном режиме для насаждения чуждой людям идеологии.

Философия кризиса духа. Какова же философия кризиса духа современной техногенной цивилизации?

Согласно К.Ясперсу, приведенные выше факторы этого кризиса, а именно - массы, аппарат бюрократии и техника в совокупности как бы очерчивают границы порядка существования. В этих границах и живет человек. Но он не был бы человеком, если бы не стремился вырваться из них. Человека невозможно свести к некоему набору принципов, какими бы разумными они не представлялись. Человек открыт миру, он богаче всех принципов, вместе взятых.

Это заложенное в человеке извечное стремление превзойти себя находит в качестве своего рода противовеса софистику, оправдывающую границы порядка существования. Иначе нормальным положением вещей и отношений стала бы анархия, общество впало бы в

состояние хаоса. Современное технократическое общество имеет такую софистику, однако, она все больше входит в противоречие со здравым смыслом. Например, безудержное стремление развивать технику сегодня уже становится под сомнение фактами техногенных катастроф (одна из них - Чернобыль, 1996г.) и возникающих на их основе психологических комплексов. Или другой пример. Вера в силу бюрократии в современном обществе подрывается фактами ее неспособности предотвратить нежелательное развитие событий в области экономики (неожиданные финансовые спады), социальных отношений (вспышки национализма и экстремизма), мировой политики и экологии (возникновение кризисных ситуаций в отношениях между странами и блоками, обострение отношений в отдельных регионах и др.). Это говорит о том, что аппарат отрывается от реальностей, приобретает самостоятельное значение и перестает удовлетворять массы. Что же касается техники, то она, как известно, при всем своем совершенстве, обладает неустранимыми изъянами: она не может быть абсолютно надежной, она "склонна" к отказу, ломается и разрушается, она требует тщательного ухода и подчас создает очень высокую степень ответственности для тех, от кого зависит ее функционирование. Например, согласно, официальной статистики 70% авиакатастроф в мире происходит по причине человеческого фактора.

Все эти "минусы" фокусируются в психике современного человека в форме глубоких и тревожных состояний духа, и они "толкают" его - человека - массу, к выходу за границы порядка существования. Так человек - масса оказывается в состоянии экзистенции, то есть он начинает осознавать жесткую ситуацию выбора: или оставаться в массовом обществе и с тревогой ожидать катастрофы, или превзойти его, найдя иные подходы, иные ценности, иные смыслы бытия.

Истоки такой экзистенции Н.А.Бердяев и К.Ясперс усматривали в ощущении разрыва человека со всей предыдущей историей человечества, в историческом факте разбожествления мира и на этой основе - в утрате смысла жизни, в появившемся и укоренившемся ощущении духовной пустоты. Кризис духа К.Ясперс объяснял недостатком доверия. Когда все вокруг нас подчиняется целесообразности, исчезает сознание целого как основы всего. Мир перестает восприниматься нами как позитивное по своей сути единство; мы воспринимаем его фрагментарно, разорвано и в каждом конкретном случае мы ставим под вопрос доверие к "Фрагменту": можно ли доверять занимаемой нами должности?, профессии?, вещам, которыми мы пользуемся и которые нам навязываются рекламой?, информации, которая нам сообщается?, политику, который маячит на экране телевизора и т.д.? Распад некогда единого мира на фрагменты привел к кризису доверия к миру в целом. Этому способствовало и развенчание Божественного авторитета, уничтоженного огнем критики в XVII-XVIII ст., что неизбежно привело к цинизму, позитивизму, утрате высоких идеалов. Произошло разбожествление мира, он был лишен главной своей тайны и силы - Бога. Такой же в сущности точки зрения придерживался и Н.А.Бердяев.

Выход из кризиса в этом случае видится не на путях дальнейшей рационализации порядка существования, а на путях "очеловечивания государства" (К.Ясперс) или "охристианивания технической цивилизации" (Н.А.Бердяев). и то, и другое имеет исключительно духовное назначение и представляет по сути попытку вернуть человеку (и обществу) человеческое, то есть вернуть ему осознание его сущности.

Но есть и иные "проекты". Знаменательным является факт проявления озабоченности духовным кризисом со стороны ученых. Один из них - физик Дэвид Бом считает, что всем нам необходима когерентная культура (от лат. *cohaerens* - находящийся в связи), то есть такая, которая основана на общих для всех людей смыслах.

Сейчас такой культуры практически нет, ибо люди на Земле разобщены различием смыслов, которые лежат в основе их духовной жизни. Если же мы все-таки придем к сознанию ценности

общего (идея холизма - от греч. holos - целый, весь (как нашей главной ценности, то мы покончим с тенденцией дробления смыслов, воинствующей фрагментарности, что разъединяет всех нас и обрекает на одиночество и духовную гибель.

Поиск общих смыслов может осуществляться через диалог, поэтому всем нам надо проявить такое качество, как открытость к диалогу, способность услышать друг друга, понять принципы друг друга и быть готовым пожертвовать чем - то ради общей (а она станет и нашей)) выгоды. Здесь имеется в виду диалог христиан со сторонниками иных религий, верующих и неверующих, ученых и представителей искусства и культуры, науки и религии и т.п. В итоге мы могли бы прийти к когерентному холизму, ибо не все холистические взгляды когерентны. Например, нацизм есть холизм, но он не когерентен, так как охватывает лишь часть общества, которая открыто и резко противопоставляет себя другим его частям (народам, нациям, личностям и т.д.). Когерентный холизм возможен только при сознательном и добровольном движении к нему всех людей.

Активную позицию в решении проблемы духовного кризиса занимает Христианская Церковь. Но она считает целесообразным воспротивиться тем технологическим новациям, которые становятся (или уже стали) нормой жизни цивилизованного общества. Речь идет о практике пересадки органов в целях продления жизни людей, о контроле за рождаемостью, о технике искусственного осеменения, о технике генного анализа и генетического отбора, о борьбе со старением человеческого организма и других технологиях, которые неизбежно порождают этические проблемы. В этой связи стоит введение нового термина "биоэтика" - этика сохранения жизни.

Христианская Церковь исходит из божественной сущности человека, а следовательно ответственность человека видит как ответственность перед Богом прежде всего. Она видит глубинную связь между телом и личностью, и поэтому всякое вторжение в тайну тела рассматривает как угрозу личности, ее божественной сущности, угрозу взаимоотношениям между заповедью, любовью и воплощением истинного человеческого потенциала. С точки зрения здравого смысла вышеуказанная позиция выглядит спорной однако игнорировать ее было бы ошибкой.

Мы привели далеко не все высказывания по поводу духовного кризиса Западной цивилизации. Но и те, о которых шла речь позволяют нам заключить о том, что проблема кризиса осознается в ее важности.

Справедливым будет заметить, что "задетость" кризисом, чувство трагизма в большей степени присуще сознанию простого человека, чем идеологам научно-технического прогресса, бизнеса и управления, которые сильны своим догматизмом, подкрепляемым корпоративными эгоистическими интересами. Человечеству еще предстоит найти новый подход, но оно должно выработать его в себе самом при полном осознании его важности и необходимости. Как отмечается в Ганноверской Декларации Римского клуба, нам нужны новые поколения политиков, способных эффективно ответить на вызов истории.

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

Все вышесказанное подводит нас к мысли о том, что проблема человека в современной философии тесно связана с практическими вопросами мирового развития и ставится в прямой зависимости от тех тревожных и опасных тенденций, которые проявляются в недрах Западной цивилизации. Вероятно, не будет преувеличением сказать, что ответить на вопрос: "Что такое человек?" сегодня означает ответить на другой вопрос, а именно: "Что мы - люди - должны сделать сообща, сохранив себя как носителей высоких и уникальных способностей, о которых речь шла выше?".

Человек и уникален, и универсален. Человек - венец природы, которому нет равных, он обладает уникальными способностями. Но он и универсален, ничто ему не чуждо - ни космос, ни биологические, порой грубые инстинкты, ни утонченная, возвышенная деятельность.

Человек - это соотношение внутреннего и внешнего. Духовный мир человека - это его внутренняя жизнь, но она символизируется в различных формах деятельности, в игре, труде, художественном творчестве. В итоге человек оказывается существом общественным.

Человек един, но не однороден, не одномерен. Человек биологический, действующий, разумный, чувственный, рациональный, этический - все это объединено каждой конкретной личностью.

Человек сам творит свой духовный мир, мир ценностей науки, искусства, морали.

Человек - существо историческое, и в качестве такового он стремится органично внедриться в будущее, где его ожидают опасности, риск оказаться в кризисном, может быть, даже безвыходном положении. Человеку не избежать бремени ответственности перед собой лично и другими людьми. А раз так, то ему нужна хорошо развитая философская база.

Множество людей озабочено судьбой и природой человека, они рассуждают, размышляют, создают программы, но часто даже не подозревают, что проходят мимо накопленного в философии богатства. Без философии воззрения о человеке оказываются довольно бедными, малодейственными. Такова реальность. Отметим также, что нами не закончено рассмотрение природы человека, оно будет продолжено в последующих главах.

Такая постановка вопроса ориентирует нас на глубокие размышления о самих себе и об обществе в целом и является по сути программной. И пусть она стимулирует нас в этом направлении. От того, к какому выводу мы придем, зависит наше общее будущее.